

Королевская Гавань

В тот день зной, окутывающий саванном Красный замок, был особенно удушающим, так что прохладный бриз с Черноводного залива, проникающий в покои, приносил долгожданное облегчение тем, кто находился внутри. В первую очередь это касалось брата и Десницы короля — принца Визериса, который тяжело вздохнул, просматривая сегодняшние послания.

Пираты у Перешейка, нарушающие судоходство между Вольными городами и Королевской Гаванью; болезнь, поразившая Железные острова; нехватка продовольствия у речных лордов, все еще пытающихся восстановить разоренные пашни; дорнийские лорды, повышающие пошлины на отдельные товары из-за роста местного производства; весть о том, что лорд Ройс Баратеон начал засеивать невозделанные поля — слишком много нужно было осознать и со слишком многим разобраться.

Быть Десницей, вероятно, во многом напоминало участь короля — только без лоска, права Последнего Слова и с куда более пристальным вниманием, которого монарх обычно умудрялся избегать.

Именно ему предстояло решать проблемы королевств, ведь брата поразила еще более сильная приступ непреклонной меланхолии, чем обычно, и он заперся в своих покоях. Так и не удалось выяснить, как до него достучаться — в иные дни даже королева не могла дозваться до своего удрученного супруга. Редкость, учитывая, что лишь ей удалось снискать его благосклонность на том ужасающем, катастрофическом балу много лет назад. Убедить короля поесть — уже само по себе испытание, даже для Визериса; племянники и племянницы не меньше дяди были встревожены поступками отца. «Сломленный король» — жестокое, но довольно меткое описание Эйгона III, и хотя его дети привыкли к нему, оно определенно не способствовало становлению их личностей.

Так, к великому раздражению верховного мастера, юный Дейрон улизнул с уроков по истории Простора и Западных земель, чтобы потренироваться с личным королевским гвардейцем. Этот человек был безнадежно очарован мальчиком, порой относясь к нему как к собственному сыну — совершенно неподобающе для столь высокого поста, но вряд ли такое положение дел изменится. Отговорить принца, раз уж он принял решение, было трудно — он с легкостью убеждал окружающих своим острым умом и обаянием. Визерис уже сейчас видел, что из Дейрона выйдет вдохновляющий и харизматичный король, способный одними этими качествами подчинить себе огромное количество людей. Принц много говорил и писал о славе их дома, хотя нередко перепоручал детали подобных проектов приспешникам или друзьям, предпочитая сосредоточиться на общей картине.

За принцессами Визерис почти не следил: Дейна делала всё, что ей заблагорассудится — вероятно, прямо сейчас стреляла из лука во дворе для тренировок, к великому огорчению септ. Да еще и верховая езда — о, как эта девчонка любила скакать по улицам, вконец загоняя своих присяжных щитоносцев, пытающихся не отставать от нее. Маленькая Рейна была любимицей вышеупомянутых септ — безупречно вежливая, чопорная и благопристойная в учебе, а крошка

Элейна еще слишком мала, чтобы делать что-либо, кроме как ходить и выглядеть премило. Младшая племянница еще не умела есть самостоятельно, и хотя это не подобает королеве, Визерис улыбался всякий раз, когда супруга брата кормила девочку во время частных семейных трапез.

Не в меру смысленный Бейлор, в отличие от Дейрона и Дейны лишенный друзей и активных увлечений, попросил помочь дяде в работе Десницы. Хотя мальчик был вежлив и послушен, его бледная кожа и отсутствие интереса к мирским занятиям, кроме Веры в Семерых, беспокоили Визериса. По итогу он позволил племяннику ассистировать, равно как и позволял углубляться в веру, будучи уверенным, что и первое, и второе — не более чем увлечения, которые со временем пройдут. Вполне возможно, они даже друг друга устранят: какое-нибудь послание пробудит в принце интерес; конце концов, никогда не знаешь, что тебя по-настоящему заинтересует, пока не столкнешься с этим, будь то война, торговля или бюрократия столицы.

Пока что удача ему не улыбнулась.

Послания, которые Визерис счел достаточно незначительными, чтобы поручить Бейлору, были прочитаны и сложены в отдельную небольшую стопку. Мальчик задавал мало вопросов и еще реже обсуждал затронутые темы, часто разрешая их настолько быстро, что в свободное время принимался молиться. Возможно, поездка по королевствам пойдет ему на пользу — время в дороге хотя бы придаст ему немного цвета. Не годится принцу быть призрачно-белым — простолюдины могут принять его за альбиноса, проклятого богами. А такие слухи плохо скажутся на доме Таргариенов, особенно сейчас, когда отношение к правящим монархам должно быть положительным — ради безопасности и благополучия как королевства, так и их дома.

Просматривая очередную записку, Визерис выгнул бровь, дочитав её, и протянул Бейлору — посмотреть на реакцию.

— Да, дядя? — спросил Бейлор, закончив свою короткую молитву, прежде чем развернуть записку.

Боги, неужели он должен делать так каждый раз? Если подсчитать и рассортировать каждое слово, произнесенное Бейлором, Визерис готов был поспорить, что добрая треть его речи, если не больше, являлась молитвой или ссылкой на Семиконечную звезду. Даже септоны, которых он встречал в Королевской Гавани, не молились столь часто.

— Тебе это может показаться интересным, — пробормотал он.

Визерис наблюдал, как маленький принц читает клочок бумаги, внимательно вглядываясь в каждое слово. Закончив, Бейлор, вероятно, перечитал послание еще раз — судя по затянувшемуся молчанию — и поднял взгляд на дядю.

— Септа? Дом возводит новую септу? Такое нечасто встретишь в Вестеросе — ведь строительство и содержание септы требует немалых трудов.

Действительно, хотя во многих небольших поселениях были свои септы, известия о септе, потенциально столь же огромной, как в Королевской Гавани, приходили редко.

<http://tl.rulate.ru/book/94117/4222755>